

Марина Балина

Энциклопедия юности: интервью с Михаилом Эпштейном

Encyclopaedia of Youth: An Interview with Mikhail Epshtein

This review of the book *An Encyclopedia of Youth* (Moscow, 2018) by the well-known philologist and culturologist Mikhail Epstein and the writer Sergei Iur'enen examines the features of auto/biographical writing that the authors define as *a dia-ography* – autobiography as a dialogue. In telling of their youth, Epstein and Iur'enen have chosen a new form for the auto/biographical genre: the encyclopedia, which in this particular case makes it possible to preserve the individual voice of each author, and at the same time lends their dialogue an existential significance. The review is supplemented by an interview with one of the authors, Prof. Mikhail Epstein (Emory University, US).

Вышедшая в 2018 году *Энциклопедия юности* Михаила Эпштейна и Сергея Юрьенена принадлежит к категории авто/биографических текстов, которые интересны не только той частной информацией, которую любопытной читатель подчерпнёт о двух участниках – известном культурологе и философе Михаиле Эпштейне и писателе Сергее Юрьенене, хотя, вне всякого сомнения, оба автора – личности яркие, отражающие в своей биографии многие коллизии конца 1960-х и начала

1970-х годов¹. *Энциклопедия* продолжает начавшуюся уже в 1990-е годы попытку переосмысления традиционного представления об авто/биографическом жанре, когда частная биография (story) стала явно преобладать над тяготением к Большой Истории (History). Колумнистика Льва Рубинштейна, “Гений места” Петра Вайля, “Довлатов и окрестности” Александра Генниса, “Трепанация черепа” Сергея Гандлевского, а также более поздние “Напрасные со-

¹ Книга была впервые издана в 2009 году, но переработана в 2017 с учётом новых материалов.

вершенства и другие виньетки” Александра Жолковского, “Камера хранения. Мещанская книга” Александра Кабакова, и “Осень в кармане” Андрея Аствацатурова – все эти тексты описывают не только и не столько факты приватной истории, сколько заняты поиском адекватной формы рассказа о собственной жизни, поиска, за которым выстраивается целая гамма человеческих чувств – от сомнения в выборе себя в качестве героя повествования (отсюда часто происходит жанровый сбой в сторону *литературного портрета* современников) до простого нежелания подвергать свою жизнь проверке на *достоверность*. Ведь всегда найдётся соучастник событий, который увидел и пережил их в другом, отличном от автора, эмоциональном модусе!

К обсуждаемой книге не подходит ни одно из существующих сегодня литературоведческих определений, она не уместается в категорию автофикции или эго-письма. Эпштейн и Юрьенен выбрали для рассказа о своей юности жанр энциклопедии, в которой их личный опыт размещается в соответствии с алфавитными обобщёнными категориями: личность, мир и мироздание, творчество и про-

фессия и т.д. Каждая из этих категорий, распадается на более мелкие, наполненные именно приватной историей каждого участника этой *диаграфии* - автобиографии как диалога (как определяет эту выбранную авторами форму изложения сам М. Эпштейн). Таким образом, авторами выстраивается довольно сложная конструкция автобиографического нарратива: это тезаурус, состоящий из *биограмм* - структурных единиц жизненного опыта, таких как *дружба*, *семья* и т.д. (Эпштейн, Юрьенен 2017: 572), а уже внутри *биограмм* разворачивается диалог между *Мишей* и *Серёжей* – авторами, параллельно вспоминаящими свою юность. Связываются эти воспоминания *местомигами* – “вспышками времени и пространства в их нераздельности”, которые активируются работой памяти (Эпштейн, Юрьенен 2017: 12). В послесловии к книге Михаил Эпштейн рассуждает о двух типах личности – тезаурусной и нарративной. В то время, как нарративная личность стремится выстроить свою биографию последовательно во времени, тезаурусный человек вспоминает свою жизнь именно как систему *биограмм*, т.е. категорий общечеловеческого жизненного опыта, независи-

мых от времени и места. Но в этом-то и заключается главный парадокс предложенной нам авторской конструкции: тезаурусная конструкция текста заполняется нарративными повествованиями о прошлом. Таким образом, общий текст *диаграфии* расширяется именно за счёт воспоминания, происходящего по вертикали и идущего вглубь. Текст, посвящённый Андрею Битову (“Битов”, Эпштейн, Юрьенен 2017: 69-78), например, входит в тезаурусную категорию “Литература”, но выстраивается он именно по вертикали, из глубины, от первого знакомства *Серёжи* (Юрьенена) с писателем до написанного *Мишей* письма тогда ещё живому, а теперь уже ушедшему Битову из *настоящего времени*, 2017 года, в котором Михаил Эпштейн оценивает влияние битовской прозы на свое собственное творчество.

Тезаурусное видение мира, таким образом, отнюдь не исключает нарративное его воспроизведение, в чем признаются и сами авторы *Энциклопедии* (Эпштейн, Юрьенен 2017: 577). Более того, нарративное описание придаёт тезаурусной картине мира значительно большую динамику; отдельные эпизоды (*местами*) становятся частью раз-

ных тезаурусных категорий. Так, тот же текст о Битове становится частью тезауруса “Творчество и профессия”. Сложность конструкции *Энциклопедии* оказывается, таким образом, чисто внешней: на самом деле общий текст *открыт* на все возможные комбинации, и картина мира юности авторов поражает огромной свободой, выходящей за рамки *несвободной* брежневской эпохи, но свободой ограниченной, а именно интеллектуальной (о физической *несвободе* перемещения много пишет Юрьенен). Противоречит ли это нашему представлению об эпохе *застоя*? Пожалуй, нет, но читатель, уже воспитанный на *новой* авто/биографии, не ставящей во главу угла проверку на достоверность *отражения эпохи* (не за этим читаем мы сегодня частные свидетельства времени!) будет поражён интеллектуальной насыщенностью показанной нам юности. И совсем не в качестве противовеса этой юности комсомольской трескучести и университетской обязательке, а именно интеллектуальной и эмоциональной жадности юности как времени самостановления. При этом оба автобиографа своей юности не испытывают к этому периоду

жизни никакой особой любви, что тоже становится ясным из тех *местомигов*, которые они выбирают для составления своей картины мира. Так, категория “дружба” начинается с небольшого диалога о взаимозависти, который тесно переплетается с тезаурусной “любовью”, где в текстах о девушках, желании, сексуальности, из дневниковых откровений видна одновременно и хрупкость, и жестокость юношеского взросления, так же, как и откровенность и закрытость *Серёжи* и *Миши* по отношению друг к другу.

Юность – время трудное и недоброе по отношению к тому, кто проходит через этот этап. Эпштейн очень точно описывает юность, как “я-ность” (Эпштейн, Юрьенен 2017: 484), когда собственное я выпирает из всех углов и становится “тяжёлой ношей и для самого себя, и для окружающих” (Эпштейн, Юрьенен 2017: 484). Тем не менее, в юности авторов *Энциклопедии* удивительно прозвучали два я - дополняя друг друга, соревнуясь, не всегда осознанно, друг с другом и помогая друг другу найти себя в смутном времени жизни *поколения промежутка* – конца 60-х – начала 70-х двадцатого века. Их общие воспоминания *местомигов* хороши

именно той обязательной коррекцией и ориентацией на *ты* - на их общий опыт, на понимание боли, неуверенности, сложности переживания другого. Структура тезауруса помогает обозначить общие места для соприкосновения в этой двойной истории юности; нарративный характер повествования *внутри* тезаурусных категорий позволяет такой структуре приобрести кровь и плоть и стать живым свидетельством себя в неудобном, но таком жадном до понимания времени взросления. По своей тематике *Энциклопедия юности* – это первый авто/биографический текст, сфокусированный именно на этом этапе жизни. По своей структуре эта книга одновременно и продолжение поиска новой формы авто/биографического повествования, и вызов предыдущим попыткам в этом жанре, так как для создания скоординированного текста *диаграфия* требует выхода за непосредственно личный опыт в более широкий мир человеческого бытия с его общим жизненным тезаурусом, категории которого важны для обоих участников разговора. В то же время *Энциклопедия* – сугубо приватный текст, внутри которого через непрерывный

диалог виден постоянный процесс поиска себя. Несомненная удача авторов этой книги отразилась не только в том, что ими найден особый подход к авто/биографии. Блестящий и точный язык, открытость и небоязнь показаться одновременно и смешными, и трогательными, отсутствие *раздачи индульгенций* как себе, так и другим делает эту книгу живой и нужной сегодня, когда документальная проза оказалась в литературе наиболее востребованной, при этом оставаясь территорией наиболее легко уязвимой как для критики, так и для читателей.

Марина Балина. Интервью с Михаилом Эпштейном

Вопрос: *Мой вопрос касается в первую очередь авторского права рассказать или умолчать о конкретных событиях собственной жизни. Вы с большой откровенностью касаетесь вопросов очень личных. Александр Жолковский в своей книге Напрасные совершенства и другие виньетки писал: “Врать, преувеличивать, придумывать события нельзя. Но что рассказать, а что нет, какую авторскую позу принять – твоё (т.е. авторское)*

право”. Чем руководствовались Вы и Ваш соавтор при составлении общего тезауруса? Ваш текст не событийный, а философский, но были ли в нём какие-то категории, не приемлемые для вас обоих и до которых вы оба предпочитали не дотрагиваться?

—Я следовал определённому кодексу мемуарного поведения скорее интуитивно, а сейчас постараюсь его сформулировать. Прежде всего, важен временной фактор: с той поры, которая описывается в книге, прошло 45-50 лет. Иных уж нет, а те далече, — а с ними и события, которые раньше могли задевать, влиять на судьбы людей. Казалось бы, свобода мемуариста возрастает по мере его удаления от прошлого. Но возрастает и соблазн воспользоваться дистанцией, чтобы свести счёты с эпохой, с людьми, предъявить свою правоту. И здесь первое правило: не писать о других того, чего они сами не хотели бы сообщать о себе. Не вторгаться в их личную жизнь.

Я не соглашусь с А. Жолковским: “что рассказать, а что нет, какую авторскую позу принять – твоё (т.е. авторское) право”. О себе можно рассказывать все, что угодно,

насколько позволяет или не позволяет природная стыдливость, но суть в том, что в твою жизнь вплетены жизни множества других людей и нужно так искусно разделять своё и чужое, чтобы откровенностью о себе не выдать их, не *засветить*. Они сами расскажут, что и когда сочтут нужным. Это тончайшая хирургическая операция разделения жизненных тканей; конечно, трудно избежать ошибок, лишь бы они не были опасными для чужой чести, достоинства, репутации...

Лучше всего представлять мемуарных персонажей в ситуациях публичных, когда они сами определяли модус своего представления окружающим. Если же приходится вспоминать ситуации личного общения, то выделять самое характерное, что могли бы в принципе наблюдать и другие. Если же личное и даже интимное существенно, то — избегать конкретики, представлять этот случай в отвлечённом виде, как обобщение. “Один человек... люди такого типа...”

В ЭЮ (*Энциклопедии юности* – М.Б.) есть люди, казалось бы, не вызывающие особой симпатии и тем не менее назван-

ные по имени. Например, наш сокурсник Сергей Бобков, сын генерала КГБ Филиппа Бобкова, заместителя Андропова по борьбе с инакомыслящими. Но младший Бобков и не скрывал своего происхождения и своих взглядов, сформированных положением семьи (о нем пишет Сергей Юрьенен). Профессор Александр Григорьевич Волков (1920-1975): когда я студентом филфака приехал к нему в санаторий, надеясь приобрести научного руководителя по семиотике, он меня выгнал, заподозрив во мне стукача. Мне и раньше говорили, что у него есть мания на этот счет, я несколько не осуждаю Волкова — и привожу этот эпизод, чтобы передать общую психопатическую обстановку времени, с его маниями преследования, тотальной подозрительностью и т.д. Или ещё более травматическое событие — меня обвинили в антисоветской пропаганде и отстранили от педагогической практики в школе, я был под угрозой исключения из университета. В ЭЮ я обозначаю одним инициалом фамилию учителя, который тогда донёс на меня, — он сделал это публично, есть свидетели; а далее пытаюсь понять и объяснить мотивы его поведения. В общем,

правило простое и хорошо известное: не судите, да не судимы будете.

Кроме того, одни и те же факты поддаются разным интерпретациям. Например, факты ссоры, разногласий, конфликтов можно рассматривать с противоположных сторон. И здесь я бы предложил такое правило: откровенность должна быть соразмерна готовности взять вину на себя, признать свою неправоту. Можно приоткрыть гораздо больше фактов даже о каких-то неприятных и сумрачных эпизодах прошлого, если они не используются как улики для обличения других, а скорее служат знаком саморефлексии, осознания собственных ошибок, предрассудков времени и т.п. И наоборот, даже сами благовидные эпизоды прошлого достойны умолчания, если они лишь однозначно свидетельствуют о твоей правоте, победах, триумфах. Поэтому юмор и самоирония столь важны для мемуарной этики, позволяя расширить сферу фактов и признаний, коль скоро откровенность превращается в способ дистанцироваться от самого себя, а не использовать временную дистанцию для безопасной расправы с другими.

Вопрос: *Насколько важен для вас диалог как структурный элемент автобиографического текста? Теоретики автобиографического дискурса (Серж Дубровский, Элизабет Брюсс, Джейн Харрис) все единодушно отказались от утверждения, что авто/биография – текст монологический. Автор текста и автор в тексте находятся всегда в состоянии диалога. Вы сами приводите примеры наиболее диалогичных автобиографов – Монтень, Ницше, Барт. Но Вам понадобился настоящий партнёр, а не сопутствующее авторское я? Вы пишете в предисловии, что самое важное местоимение для Вас в этой книге – это местоимение ты. Для чего Вам был нужен конкретный собеседник? Проверить собственную память? Переоценить события, в которых вы оба были участниками, т.е. необходимость не саморефлексии, а именно конкретного отражения себя в другом?*

——— Я вряд ли стал бы писать эту книгу в одиночку. Это был бы совсем другой жанр — публичная исповедь, к которой я не готов, или автобио-

графия-монолог, для написания которой у меня нет оснований. В моей жизни не было ничего выдающегося, чтобы привлечь к ней внимание. Внимания достойны обстоятельства времени и места, судьба поколения, психология возраста и взросления, а для понимания этих общих явлений нужна сопричастность по крайней мере двоих — диалогическая автобиография. Нельзя провести линию, если она не задана двумя точками. Поэтому нас в книге двое — Э и Ю (или Ю/Э, чисто азбучная условность). Но это все-таки внешнее объяснение, а по сути наша юность сложилась в биографическом и литературном диалоге, который продолжается до наших дней. Поэтому реально существует такой двойной субъект Э/Ю, который и выступает автором и героем книги, сам с собою говорит, сам о себе размышляет. Я бы чувствовал себя крайне неуютно, даже нелепо, если бы предстал в такой книге сам по себе, как единственный персонаж.

Вопрос: Мне кажется, что тезаурусный подход создаёт очень ярко выраженную двойственность в прочтении текста, т.е. чужое читается как своё. Поскольку между Вами и

мною нет большой возрастной разницы, то я все время примеряла события Вашей жизни на себя, особенно в таких категориях как университет, учителя, ну, а уж антисемитизм, книги и культура просто читала как свои, хотя и с небольшой поправкой на питерскую атмосферу. Таким образом, Ваши впечатления и Ваши переживания перекрывались для меня моими собственными. Т.е. тезаурус даёт толчок к воспоминанию о... себе любимом, а личность автора текста, его боль, переживания и факты его жизни уходят на второй план. Происходит своеобразная подмена автора в тексте собой, своим опытом, простимулированным именно тезаурусной природой автобиографического текста. Так, наверное, выстраивается биография поколения, но личность автора при этом отходит уж сама не знаю на какой план. Отсюда и мой вопрос: читателя в автобиографии, в первую очередь, привлекает личность автобиографа, но тезаурус отодвигает эту личность на второй план, важным становится категория, внутри которой существует приватный нарратив, который, впрочем оказывается легко заменяемым собственным

аналогичным (или нет) опытом. Не заслонит ли такой подход индивидуальность автора?

——— Если в Вашем восприятии личность авторов отходит на задний план перед универсальностью самого тезауруса — то это замечательно, в этом и состоял наш замысел. Каждый читатель может мысленно вписать себя в тематические рубрики книги, примерить на себя этот биографический код. Я даже предлагал своим бывшим сокурсникам — Евгению Абелюк, Денису Драгунскому, Ольге Седаковой и др. — принять участие во втором издании книги, по крайней мере, в таких общезначимых рубриках, как *Профессора, Учителя, Университет, Филфак, Книги, Чтение* и пр. Было бы прекрасно расширить круг соавторов. Интерес тезаурусного подхода именно в его открытости: предлагается некий

язык, на котором каждый может сказать что-то своё, построить высказывание, сопоставляя его с другими, помещая в общий ряд. В чужой нарратив никто не может вставить своих слов, а тезаурус именно на это и рассчитан — ряды параллелей и пересечений. Если бы мы с Серёжей писали два нарратива, были бы две разные книги, потому что у каждого — своя жизнь, свой поток событий и переживаний. Но у нас был общий опыт — время, поколение, университет, писательские и филологические интересы; и тезаурус позволяет выявить именно это общее, матрицу памяти, соты, которые могут заполняться собранным от разных лиц “медом воспоминаний” (так назвала свою мемуарную книгу Любовь Белозерская-Булгакова).

Библиография

Михаил Эпштейн, Сергей Юрьенен, *Энциклопедия юности*, Москва, Эксмо, 2017

Materials and Discussions